

В тот миг, когда речные волны то подхватывали, то утягивали меня на дно, ледяная вода обжигала кожу. Тело пронзила острая, словно от ударов клинка, боль, которая медленно перетекла в глухое онемение. В конце концов я перестал чувствовать что-либо.

Казалось, на этот раз смерть неизбежна. Но именно теперь мне отчаянно хотелось жить.

Плывать я умел. За те полгода, что мы с прежним императором провели в бегах, скрываясь в этом озёрном краю с бесчисленными протоками и рукавами, мне волей-неволей пришлось научиться держаться на воде. Иначе как бы я спасал Его Величество в те отчаянные минуты, когда жизнь висела на волоске?

Однако в ледяном потоке умение плавать едва ли могло помочь: пальцы окоченели, ноги свела судорога, и силы стремительно таяли. У меня почти ничего не осталось — только и хватало крепости сжимать рукоять меча Чжэньбин, что верой и правдой служил мне больше десяти лет. Я лишь затаил дыхание и отдался на волю течения. Один старый рыбак как-то раз говорил мне: «Если силы иссякли, удержи дыхание и не дергайся. Сбереги последнее тепло, а как подвернется случай — хватайся за него мертвой хваткой. Глядишь, и выживешь».

Мимо проплыли несколько лодок, но слишком далеко, чтобы я мог до них добраться. Зимой на реке судов мало, и глупо рассчитывать на чудо. Течение неумолимо несло меня вниз по реке, а холод пробирал до самых костей. Что же делать? Неужели это действительно конец?

Сознание понемногу угасало, но сквозь пелену бреда я вдруг различил впереди смутный темный силуэт. Неужели Небеса сжалились надо мной и послали спасение? Или дело в моей проклятой судьбе под знаком Одиноким звезды Небесного Демона — и даже подземное царство страшится принять меня к себе?

С трудом приподняв голову, я взгляделся в туманную даль: это действительно была лодка, пусть и совсем небольшая. Из последних сил я закричал:

— Помогите! Спасите!

Я прокричал еще несколько раз, но никто не отозвался. Голос, должно быть, звучал не громче слабого писка, а крикнуть сильнее я уже не мог. Нельзя сдаваться, нужно пробиться к ним! Судно шло против течения, я же стремительно неслись ему навстречу. Если сейчас разминемся, пиши пропало.

Цепляясь за зыбкую надежду выжить, я заставил окоченевшие руки повиноваться. Гребя из последних сил, я приблизился к борту и рывком выхватил меч Чжэньбин. Примерившись, я со всего маху вонзил клинок в деревянный борт лодки и повис на нем.

— Пожалуйста... — прохрипел я. — Я не хочу умирать. Спасите...

На этот раз меня услышали.

— Эй, в воде человек! — раздался громкий мужской голос. — Сяо Шаньцзы, живо сюда, подсоби!

Меня, промокшего до нитки и полуживого, выволокли на палубу. Из угасающих сил я ухватился за рукоять, выдернул меч из досок борта и протянул его спасителям, уже не различая их лиц:

— Заберите клинок... Он ценный, за него дадут хорошую цену... Только спасите меня...

Сознание покинуло меня. Последним, что я ощутил, было внезапное, блаженное тепло. А затем меня поглотила тьма, сквозь которую откуда-то издалека доносился встревоженный женский голос:

— Господи, что ж с парнишкой-то стряслось? Да на нем живого места нет, все в порезах да ранах! Причаливай скорее к берегу, надо в лавку за снадобьями бежать! Сяо Шаньцзы, а ну живо носи имбирный отвар!

Мне чудилось, будто я бесконечно долго блуждал в холодной водной бездне. Наконец я открыл глаза и, убедившись, что все еще нахожусь на лодке, а не в царстве мертвых Диюй, решил осмотреться.

Рядом со мной сидел тот самый юноша, Сяо Шаньцзы. Заметив, что я очнулся, он тепло улыбнулся. Прежде в своей жизни я не заглядывался на цветы, разве что на ветку дикой сливы-мейхуа, но его улыбка показалась мне прекраснее любого весеннего бутона.

— У тебя был сильный жар, — сказал он. — Несколько дней бредил. Но матушка только что заходила, потрогала лоб и говорит, что горячка отступила. Теперь быстро на поправку пойдешь!

Я попытался пошевелиться, но тело налилось свинцовой слабостью, и я остался лежать неподвижно. Вспомнив кое-что, я тихо произнес:

— Один гадатель когда-то предсказал, что моя судьба приносит несчастье каждому, кто окажется рядом. Тебе лучше держаться от меня подальше.

Юноша растерянно моргнул, явно не понимая, о чем речь.

— Что ты такое говоришь? Какое еще несчастье? Пойду у матушки спрошу, — с этими словами он вскочил и выбежал из каюты.

Вскоре в каюту вошла его мать. Ее зычный голос заполнил тесное пространство:

— Какая еще злая судьба, глупости какие! Это богачи да вельможи трясутся над своими гороскопами, а мы — люди простые, бедные. Нас ни боги, ни демоны не замечают, им с нас взять нечего. Единственное, чего мы боимся, так это нищеты! Так что не болтай ерунды. Слава Небесам, наконец-то ты пришел в себя. Я как раз сварила рисовую кашу, она еще теплая. Давай-ка, подкрепись маленько. Сяо Шаньцзы, помоги брату приподняться!

Я лишь молча глядел на них, не зная, что ответить. Теплое чувство впервые за долгое время коснулось моего сердца.

Идти мне было некуда, и я остался с ними. Лодка неспешно продвигалась вверх по течению. Семья эта носила фамилию Се и жила в уезде Ушань. У Сяо Шаньцзы была старшая сестра, которую три года назад приметил заезжий купец и взял в Даньту второй женой. Матушка Се все никак не могла успокоиться, переживая, сладко ли живет дочери на чужбине. Вот они всем миром и скопили серебра, наняли лодку да проделали путь в тысячу ли, чтобы навестить ее. А теперь возвращались домой.

Я пролежал в беспмятстве много дней. Когда я наконец окончательно пришел в себя, наше судно уже приближалось к уезду Аньцин, что близ Эчжоу. Мое лечение и лекарства наверняка влетели им в копеечку, а за душой у меня не было ни гроша. Прослышав, что мы причалим в Аньцине, я достал меч Чжэньбин и твердо велел продать его. Однако матушка Се наотрез отказалась брать оружие, уговаривая меня сохранить его при себе.

Я продолжал настаивать, руководствуясь тайным умыслом. Даже если недоброжелатели бросятся по моему следу, клинок выведет их на Аньцин, а о существовании тихой гавани в уезде Ушань они никогда не узнают. Мне нельзя было показываться на глаза прежним врагам. Семья Се спасла мне жизнь, и если своей я больше не дорожил, то навлекать беду на благодетелей не имел права.

В конце концов я заявил матушке Се, что если они не продадут оружие, я прямо сейчас заберу его и прыгну за борт. Видя мою непреклонность, женщина сдалась. Она прикрикнула на дядюшку Се, и тот покорно понес меч на рынок в Аньцин. Назад он вернулся с приличной суммой — тремя сотнями лянов серебра.

Они по-прежнему наотрез отказывались от денег, так что мне пришлось оставить серебро себе. Вместе мы продолжили путь против течения и наконец прибыли в небольшую деревушку, что примостилась у подножия горы Пяти Узоров в поселке Муюй.

Жизнь в горах оказалась суматошной — крестьяне трудились круглый год не покладая рук. Даже суровой зимой они уходили в чащу ставить силки на лисиц и зайцев. Я же ни к какому труду приспособлен не был, да и раны еще затягивались, так что мне оставалось лишь стоять в сторонке да наблюдать. Семья Се не голодала, но и лишней монеты у них никогда не водилось. Я чувствовал себя нахлебником, тяжелым бременем на их плечах.

К счастью, Небеса надо мной сжалились. На равнине Свернувшегося Дракона продавалась винокурня с небольшой таверной у дороги. Прежде это дело принадлежало зажиточному местному жителю, но его сын преуспел на чужбине и решил забрать старика к себе, чтобы тот доживал век в довольстве и покое. Едва прослышав об этом, я поспешил к хозяину и за сто пятьдесят лянов выкупил и винокурню, и кабака при ней.

Лишь оформив сделку, я запоздало сообразил: я ведь совершенно не умею варить вино! Зачем вообще я в это ввязался? Пришлось идти за советом к дядюшке Се. Тот, выслушав меня, сердито зыркнул и отчитал за расточительность — мол, в глухомани такие заведения столько не стоят. Сговорись с хозяином матушка Се, она бы с ходу выторговала у него не меньше двадцати лянов! Впрочем, дядюшка тут же успокоил меня: с хмельным делом проблем не возникнет. Оказывается, в молодости он какое-то время обучался искусству винокурения, да только денег на собственное дело у него никогда не было. Он вызвался всему меня обучить, а на лето, когда начнется горячая пора, предложил нанять прежних работников.

Матушке Се кабака пришелся по душе, и я с радостью отдал его под ее начало. Семья перебралась туда и оставалась на ночь, я же поселился на винокурне, постигая премудрости ремесла. На поверку дело оказалось не таким уж мудреным. Под чутким присмотром дядюшки Се я быстро наловчился, и наше вино, поговаривали, выходило куда лучше и ароматнее прежнего.

Доходы нашей таверны росли, что не могло не радовать. Я знал, как матушка Се пеклась о будущем младшего сына — она то и дело сокрушалась в разговорах с мужем, что у них нет средств справить Сяо Шаньцзы достойную свадьбу. Тогда я стал трудиться с утроенной силой, твердо вознамерившись скопить юноше на выкуп за невесту.

Жизнь мало-помалу текла своим чередом, и это было прекрасно. Тело крепло, раны затягивались. Видя мое выздоровление, матушка Се часто посылала Сяо Шаньцзы звать меня вниз, в кабака, посидеть за компанию с гостями. Она твердила, что затворничество до добра не доведет и мне нужно хлебнуть людской суеты. Но разве мог я объяснить ей, почему боюсь показываться на людях? Стоило слуху обо мне разлететься, как покойной жизни пришел бы конец. Не желая расстраивать хозяйку, я все же спускался в таверну раз в несколько дней, но в основном ради того, чтобы привести в порядок их приходно-расходные книги. Из всей троицы никто не смыслил в счетах. Дядюшка Се вечно сидел у кассы со строгим видом, однако в его каракулях черт бы ногу сломал — на это безобразие я просто не мог смотреть без содрогания.

Любопытным посетителям матушка Се всегда представляла меня двоюродным братом Сяо Шаньцзы, сиротой, прибившимся к их дому. Как-то раз я невольно подслушал ее ворчание:

«Знай я наперед, что повстречаю такого славного зятя, ни за что бы не отдала дочку на чужбину! Жили бы сейчас душа в душу»

Она даже порывалась сосватать меня за какую-нибудь местную девицу, но тут же вздыхала, сетуя, что ни одна девка в округе мне не чета. От этих слов меня брала горькая усмешка. Неужели я казался ей столь добропорядочным? Узнай она, кем я был прежде, у нее язык бы не повернулся сказать подобное.

В один из дней меня вновь затащили в кабаки. Посетителей собралось на удивление много. Несколько мужиков, только вернувшихся из уездного города, шумно спорили за кружкой пива. Они толковали о том, что огромные угодья на востоке Эчжоу вместе с богатыми медными рудниками пожалованы князю Хуаю в качестве удела. Впрочем, поговаривали, будто Его Величество без ума от любимого брата, а потому вряд ли позволит князю покинуть столицу ради далеких владений.

Князь Хуай... Ян Е.

Услышав это имя, я замер. Оно тяжким камнем рухнуло мне на душу, отозвавшись резкой, невыносимой болью.

Оказывается, я все еще тосковал по нему. Все это время образ его не покидал моих мыслей. Впрочем... раз он в добром здравии и почете, мне больше незачем тревожить свое сердце заботами о его судьбе.

Дыхание перехватило. Он блистал на вершине власти, утопая в роскоши императорских чертогов; я же затерялся на бескрайних просторах Поднебесной, влача жалкое существование. Нити наших жизней, некогда переплетенные, оборвались навсегда.

Не в силах более выносить праздную болтовню, я развернулся и побрел обратно к своей горной винокурне.

Но той же зимой, когда на землю легли первые пушистые хлопья снега, он отыскал меня. Ян Е стоял у подножия холма, устремив на меня пристальный взгляд, а за его спиной висел мой меч Чжэньбин. В его глазах блестели слезы. Я застыл как вкопанный, совершенно растерявшись.

Зачем он явился? Сколько он пробудет здесь? Не тянется ли за ним хвост из шпионов и убийц? Неужели они прольют кровь моих спасителей? Мои раны после прошлогоднего падения так и не затянулись до конца, я до сих пор заходилась удушливым кашлем. Одно лишь воспоминание о ледяной речной бездне заставляло меня дрожать как в лихорадке. Как быть теперь?

На душе воцарилось смятение. Кажется, моя проклятая судьба никогда не вредила ему. Напротив — это он приносил мне одни лишь несчастья. Из раза в раз, без конца!

Мне не оставалось ничего другого, кроме как запереться в доме.

«Что же теперь делать?..» — сердце испуганно колотилось в груди, а разум лихорадочно искал выход из тупика.